

— Вот именно. Что, думаешь, не подходишь? — Мэн Юань, заметив его кивок, усмехнулся. — Всё в порядке. Шоу еще не утвердили, и даже если съемки начнутся, то уже после выхода твоего «Прекрасный». С твоим псевдонимом Сынин и после релиза «Прекрасный», когда ты в полную силу проявишь свои музыкальные способности, никто и слова против твоего суждения сказать не посмеет.

Юй Нянь и сам был уверен в своем новом «Прекрасный», поэтому, немного подумав, кивнул.

— Ну и отлично. Раз возражений нет, я приму оба приглашения, — улыбнулся Мэн Юань. — Февраль уже на исходе. В марте начнется продвижение твоего «Прекрасный», определят дату премьеры «Древнего тракта» и запустят промокампанию фильма вместе с промосинглом. Да и рекламные мероприятия брендов, которые ты представляешь, уже внесены в график. Так что пользуйся моментом и отдыхай, пока есть свободные дни — потом на это времени совсем не будет.

Впрочем, свободного времени у Юй Няня в эти дни всё равно было немного. Заметив, что у Се Ю хороший аппетит, он каждый день варил бульоны или готовил легкие закуски и приносил ему в больницу.

Однако то, что Се Ю лежал в больнице, вовсе не означало, что он мог оставить дела. Когда Юй Нянь пришел в первый раз, то застал в палате человек семь-восемь в строгих костюмах, обсуждавших работу. Се Ю сидел на больничной койке с холодным, отстраненным выражением лица, излучая властную ауру. До Юй Няня донеслись лишь отдельные слова, но, судя по ним, речь шла о Дин Чжаосяне.

После этого Юй Нянь стал приходить строго в половине первого дня. словно по молчаливому согласию, Се Ю тоже освобождал эти полчаса — с двенадцати тридцати до часа.

Шестого марта Юй Нянь проснулся по будильнику пораньше. Первым делом он отправил Се Ю сообщение, предупредив, что сегодня не сможет прийти в больницу.

Десять минут спустя раздался звонок в дверь.

Хотя шоу «Мой день» позиционировалось как возможность увидеть повседневную жизнь знаменитостей, на практике снимать с семи утра до самого сна было невозможно. В конце концов, передаче нужны были яркие моменты, иначе она не набрала бы просмотров и рейтингов.

Поэтому по плану сегодня съемочная группа собиралась запечатлеть лишь то, как Юй Нянь просыпается и собирается.

Услышав звонок, Юй Нянь открыл дверь и впустил гостей.

Направленный на него объектив камеры уже не вызывал неловкости — Юй Нянь привык. Отвечая на вопросы съемочной группы, он с улыбкой кивнул:

— Да, это не моя собственная квартира, жилье принадлежит компании. Главный плюс — до офиса отсюда рукой подать.

Он опустил яйцо в кастрюлю с водой и ушел в комнату переодеваться. Когда он вернулся, камера снимала стоящую в углу фарфоровую вазу с сухой веткой внутри.

Один из операторов, знающий толк в подобных вещах, восхищенно цокнул языком:

— Я как вошел, так сразу глаз с нее отвести не могу. Селадоновая ваза с ушками! Серовато-зеленая глазурь, местами с кракелюром под колотый лед, плотные стенки... Какая вещь! Помню, на осеннем аукционе в секции фарфора похожая ушла за целых три миллиона триста тысяч! Почти один в один: широкое горлышко, узкая шейка и маленькие трубчатые ушки по бокам. Разница только в том, что у той шейка была подлиннее, а у этой тулово более вытянутое.

Заметив переодевшегося Юй Няня, он с любопытством спросил:

— Няньнянь, эта ваза ведь наверняка стоит целое состояние?

Юй Нянь совершенно спокойно ответил:

— Наша ваза — копия, она ничего не стоит, просто старая очень. Мой дедушка еще в детстве ставил в нее пионы, а когда я был маленьким, бабушка любила украшать ее ветками красной сливы.

Достав вареное яйцо, Юй Нянь выложил его на тарелку вместе с поджаренным беконом и налил стакан смешанного сока. Завтрак был готов.

Операторы сделали несколько кадров, а один из сотрудников поинтересовался:

— Няньнянь, ты так ловко управляешься с беконом. Часто сам готовишь, когда выдается свободное время?

Юй Нянь с улыбкой кивнул:

— Да, умею. Готовить я научился в университете. Надеюсь, в будущем смогу баловать своими блюдами любимого человека.

Позавтракав, он прибрал со стола, вымыл посуду и руки, а затем подошел к письменному столу. Разгладив лист рисовой бумаги, Юй Нянь взял кисть и занес руку над столом. Закончив писать страницу, он отложил кисть и ответил на вопросы съемочной группы.

— Привычка заниматься каллиграфией у меня с самого детства, я еще даже в школу не ходил. Но тогда я был совсем маленьким и до стола не дотягивался, приходилось подставлять табуретку. — Заговорив о росте, Юй Нянь вдруг задумался: — Кстати, интересно, вырос ли я за последнее время хоть немного?

Кто-то из съемочной группы спросил:

— По официальным данным твой рост метр семьдесят девять, верно?

Юй Нянь смущенно улыбнулся:

— Да, но на самом деле не ровно метр семьдесят девять, а метр семьдесят девять с половиной. Не так давно я подросток еще на полсантиметра.

Глядя на его абсолютно серьезное лицо, члены съемочной группы дружно рассмеялись.

Отыскав рулетку, Юй Нянь начал измерять рост, приговаривая:

— В последнее время мне всё кажется, что я снова вытянулся, но не уверен, не кажется ли мне. А вдруг я действительно преодолел отметку в метр восемьдесят...

— Точно метр восемьдесят, даже на два миллиметра больше! — рассмеялся один из сотрудников, глядя на шкалу. — Настоящий качественный скачок!

Юй Нянь искренне обрадовался:

— Правда вырос?

— Ага, теперь можно обновлять официальную анкету.

Выключив камеры, сотрудники съемочной группы обратились к Юй Няню с предложением:

— Кроме сцены с пробуждением и завтраком, мы хотели бы заснять процесс твоего творчества. Это будут эксклюзивные кадры, впервые показанные публике. Что скажешь?

Юй Нянь охотно согласился:

— Конечно, без проблем.

Все вместе они прошли в комнату, где Юй Нянь писал музыку. Вещей здесь было много, поэтому операторы передвигались с максимальной осторожностью, боясь что-нибудь задеть.

Юй Нянь сел за рабочий стол, включил аппаратуру и, увидев, что объектив снова направлен на него, с улыбкой произнес:

— Сегодня утром у меня нет выездных мероприятий, так что я побуду дома и поработаю над песнями. Дел накопилось довольно много... В последние дни я пишу промосингл для нового фильма режиссера Цю Цзюня «Назад в прошлое». К слову, эту работу мне помог получить Минси.

Услышав имя другого артиста, сотрудники съемочной группы тут же оживились:

— Вы имеете в виду Ся Минси?

Юй Нянь с улыбкой кивнул:

— Да, именно его. Когда он вернется со съемок, обязательно приглашу его в ресторан и как следует угощу.

Вспомнив просьбу съемочной группы поподробнее рассказать о процессе написания песен, Юй Нянь взял исписанный неразборчивым почерком черновик и помахал им перед камерой:

— Что касается творчества: если приходит вдохновение, я могу написать текст минут за десять-пятнадцать, а музыку — за час или два. Но когда дела идут туго, можно просидеть на стуле весь день и не вымучить ни единой мелодии.

Отложив черновик, он продолжил:

— В этот раз я трижды перечитал сценарий режиссера Цю, поймал нужное настроение, так что работа спорится. Музыка уже готова, сегодня планирую написать к ней слова.

Это был первый раз, когда Юй Нянь открыто делился подробностями написания стихов и музыки, поэтому съемочная группа не упустила шанс спросить:

— И раньше вы создавали свои произведения так же?

— Примерно так. Помню, когда я писал «Ничего нет», у меня как раз шла подготовка к сессии. Передо мной лежали стопки учебников, а рядом — несколько черновиков. Я учил билеты, как вдруг на меня снизошло вдохновение. Я тут же схватил ручку — песня лилась сама собой, всё сложилось очень легко.

Съемочная группа спросила:

— В свое время песня «Ничего нет» несколько месяцев возглавляла хит-парады, а позже завоевала премию «Золотая мелодия». Как это повлияло на вас?

Юй Нянь нажал пару клавиш на синтезаторе и с улыбкой предался воспоминаниям:

— Пожалуй, сильнее всего это повлияло на мою сестру: она так обрадовалась, что прислала мне огромный красный конверт, там было шестьдесят шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть юаней! Я тогда почувствовал себя настоящим богачом, буквально в одночасье!

Заняв еще немного экранного времени, съемочная группа договорилась встретиться в следующий раз на презентации телефонов «Рияо», чтобы продолжить съемки. Собрав оборудование, они попрощались. Юй Нянь проводил их до двери.

Сверившись с часами, он выпил стакан воды, собрал вещи и спустился на улицу, где его уже ждала Ши Роу.

Устроившись на заднем сиденье автомобиля, Ши Роу заглянула в расписание:

— Брат Мэн уже уехал в музей. Если на дорогах не будет пробок, мы тоже приедем минут на десять раньше.

Когда они подъехали к Нинчэнскому музею, было чуть больше одиннадцати. поприветствовав главного фотографа сегодняшней съемки, Юй Нянь прошел в импровизированную гримерную.

Мэн Юань ждал его внутри. Убедившись, что посторонних рядом нет, он негромко произнес:

— Заметил? У этого фотографа характер не сахар.

Юй Нянь кивнул:

— Да, я тоже это почувствовал. Похоже, я ему не особо нравлюсь.

— Скорее всего, так и есть. Его зовут Цзи Чжаодэ, он снимает высокохудожественные проекты и жутко высокого о себе мнения. Как-то раз он даже публично заявил, что презирает глупых поп-звезд-однодневок из шоу-бизнеса, у которых за душой ничего нет.

Опасаясь, что Юй Нянь расстроится, Мэн Юань поспешно добавил:

— Но профессионал он действительно классный. В любом случае, наша задача — отсняться и уйти.

Юй Нянь согласно кивнул:

— Да, брат Мэн, не переживай. Я постараюсь не давать ему поводов для придинок.